

Тимошенко М. А.

ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В КОНЦЕПТАХ БОЛИ, СТРАХА И СМЕРТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА И. С. ТУРГЕНЕВА "ФАУСТ")

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/83.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 200-202. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

И просит муравья: «Помилуй, муравей,
 Не дай пропасть мне в крайности моей:
 Нет хлеба, ни зерна, и как мне быть, не знаю.
 Не можешь ли меня хоть чем-нибудь ссудить,
 Чтob уж хоть кое-как до лета мне дожить?
 А лето как придет, я, право, обещаю
 Тебе все вдвое заплатить».
 - «Да как же целое ты лето
 Ничем не запаслась?» - ей муравей на это.
 - «Так, виновата в том; да что уж не взыщи:
 Я запастися все хотела,
 Да лето целое пропела».
 - «Пропела? Хорошо! поди ж теперъ свищи».
 Но это только в поученье
 Ей муравей сказал,
 А сам на прокормленье
 Из жалости ей хлеба дал.

Вопросы к переводу:

1) С чем, на ваш взгляд, связано великодушие Муравья? (Перевод написан в 18 веке в России - идеалом были моральные, нравственные качества человека, в конкретном случае: добродетельность, разумность, скромное трудовое существование).

2) Почему в название басни выносятся только один персонаж - Стрекоза? (Она символизирует порок; нужно выделить то, что необходимо исправить с помощью наставления, поучения и нравственного примера).

3) Каким бы вы назвали перевод Хемницера: вольным или неудачным? (Вольным: герои басни Хемницера выполняют иные функции и задачи, нежели у Лафонтена, и это связано с культурно-историческими воззрениями художника).

Сравнительный анализ поэтических образов Стрекозы, Жука и Муравья в баснях Эзопа, Лафонтена и Хемницера раскрывает характеры не только персонажей литературных произведений, но и показывает характер эпохи, в которую создавалась та или иная басня.

4-ый этап урока. Ученики определяют критерии, на основании которых оценивали степень вольности перевода:

- сохранение художественных образов;
- передача соотношения, пропорций подлинника на уровне образов;
- сохранение идеи оригинала;
- сохранение ритма, музыки стиха;
- точный перевод отдельных слов;
- сохранение авторской позиции;
- сохранение многозначности подлинника, его подтекста;
- соотношение оригинала и перевода на стилистическом уровне;
- степень культурно-исторической обусловленности перевода.

5-ый этап урока. Домашнее задание:

1. Сделайте свой перевод басни Лафонтена в духе культурно-исторических ценностей и традиций сегодняшнего дня.

2. Сравните басни Лафонтена «Стрекоза и Муравей», Ю.А. Нелединского-Мелецкого «Стрекоза» и И.А. Крылова «Стрекоза и Муравей».

ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В КОНЦЕПТАХ БОЛИ, СТРАХА И СМЕРТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА И. С. ТУРГЕНЕВА «ФАУСТ»)

Тимошенко М. А.

Нижегородский государственный педагогический университет

Процессуальность, присущая внутреннему состоянию человека, наиболее полно проиллюстрирована русской художественной литературой XIX в. Проблема рассматривается в контексте фаустианской темы, наиболее насыщенной предельными вопросами бытия. Очевидно, что дискурс об иррациональном не имеет универсальной схемы. Ж.-Л.Нанси сравнивает художественный текст с «блуждающим телом». Смысл ускользает. Тем не менее мы по-прежнему ищем его в текстах русской литературы, поставившей перед исследователями современности предельные вопросы. Человек как тончайший инструмент природы и образование культуры остается в центре внимания. Чем глубже проникновение в механизм взаимодействия микропроцессов психического, канонического (социокультурного), трансцендентного, тем отчетливее вывод:

человек - центр концептосферы, состоящей из множественных переходов концептов-состояний: страха, вины, стыда, боли, счастья, любви, радости и т.д.

Процессуальность чувственных состояний наблюдается во взаимодействии с рассудочным. Когда иррациональная сущность подавляется рассудком, душевная боль перерождается в смерть. Человек перестает существовать. В контексте означенной проблемы мы анализируем сочинение И. С. Тургенева 1855 г. «Фауст. Рассказ в девяти письмах».

Известно, что переживание смерти транскреативно, им действительно может открываться необычный горизонт существования. Тургенев расширяет эту перспективу, но неожиданно сокращает пространство жизни и сводит его к «мертвой точке». Присутствие смерти встроено в ткань текста. В ощущении повседневного присутствия смерти скрыто признание неопровержимой силы социокультурного канона: «...исполнение долга, вот о чем следует заботиться человеку; не наложив на себя цепей, железных цепей долга, не может он (человек) дойти, не падая до конца своего поприща». «Неведомое» (Иное), перед которым «все должны смириться и преклонить головы» [Тургенев 1955: 163], провоцирует процессуальность состояний. Концепт боли редуцируется, но через мгновенное прозрение героини Веры Ельцовой вдруг абсорбируется концептом смерти. Боль инициируется двумя источниками: внутренним и внешним (вторжение смерти Другого, матери Веры), однако заявляет о себе как инородность, внешнее. Когда героиня идентифицирует себя с Другим, происходит и осознание себя, и отчуждение от себя. Зависимость Веры от системы, запретов, структуры, принципов, воспитания - функций канона - становится непреодолимой. Ощущение того, что она принадлежит Другому, диктующему свои желания, усиливается после смерти матери.

Методично опустошаемые рассудком чувства, находящиеся во власти канонов, внутреннее пространство тургеневских персонажей (большая часть женских характеров) как будто сознательно подготавливаются к состоянию смерти. Страх перед жизнью поглощает Ельцову. «Я боюсь жизни»...она боялась, боялась тех тайных сил, на которых построена жизнь и которые изредка, но внезапно пробиваются наружу» [Тургенев 1955: 133]. Проблема выбора между жизнью и смертью решается Другим, умершей матерью. Она диктует смерть, для неё жизнь чувств, страстей «ведет к гибели или к пошлости». Обреченная на смерть, героиня, находящаяся еще в состоянии своего присутствия, как будто замораживается. Установка дана матерью: «Ты как лед: пока не растаешь, крепка, как камень, а растаешь, и следа от тебя не останется» [Тургенев 1955: 159]. Время не оставляет внешних следов жизни: неизменность (консервация) становится характерологической чертой Веры Ельцовой. Возраст не вносит изменений во внешний облик. Вирус апатии, равнодушия к жизни находит удобное место на дне ее души: «непостижимое равнодушие к возвышенным удовольствиям ума», «самого чистого, самого законного наслаждения» [Тургенев 1955: 135, 136] и к удовольствию как таковому. Статичность героини, переставшей смеяться, плакать, чувствовать, становится обычным её состоянием. Физически холодеют члены, жизненные процессы тормозятся: глубинное умирание процессуирует в молодом, маскирующемся внешней неизменностью теле: снаружи - молодое, внутри - старое, готовое умереть. Парализуются все жизненные системы. Паралич ведет к состоянию абулии, безволию, характеризующемуся болезненными реакциями, снижением психической, затем физической активности, полным отсутствием интереса к жизни, героине «всё равно».

Все состояния человека закладываются до его рождения: «В развитии человека эмбриональный период является критическим. Эмбрион особенно подвержен влиянию различных факторов среды и зависит от состояния материнского организма» [Основы перинатологии 2001: 67]. Все значимое для Тела матери «проецируется» в пространство Тела дочери. «Информация» поступает через внутреннюю среду материнского тела. Тело живущее (в отличие от неживущего и имитирующего жизнь) имеет открытый «покров», тканевидный фильтр, обладающий высокой степенью функциональности и сверхчувственности, продуцирует возможные появления множества уникальных состояний, смыслов и регулирует микропроцессы.

Пограничная зона «Тела неживущего» имеет иную структуру. В. Подорога размышляет над проблемой в терминах феноменологии. Навечно закрепляется покров матери, прирастает и со временем становится непроницаемым панцирем, корой. Ощущения человека конституируются матерью, или «второй кожей». Эта протекторная функция ограничивает свободу проявления чувственных состояний индивидуума. Поверхность без диктата второй кожи находится в состоянии перехода, движения. Живое обнаруживает себя внутри и вовне, контактирует, общается с внешним и внутренним одновременно, имеет позитивный характер. Неживое изолировано. Феноменологический дискурс подсказывает внутренние причины трагизма литературных персонажей. Тургеневская героиня умирает в считанные дни, диагноз врачом так и не был поставлен. Думаем, что мощная энергия иррационального, в сжатом состоянии залегающая на дне души и внезапно вырвавшаяся наружу, способна не только аннигилироваться (духовная смерть), уничтожить рассудок (безумие), но и привести к физической смерти.

Незадолго до смерти Веры Ельцовой в ее внутреннем пространстве разыгрываются драматические события, вызванные отношением между индивидуальными чувствами и рассудком Другого, матери, инкорпорированным в сознание Веры. Эти отношения имеют силу закона: утрата человеком матери (ТД) ничем невозполнима, но ее сознание, как жесткий диктатор, становится главным препятствием раскрытия индивидуального в человеке, причиной его изоляции. У Тургенева этот закон проявляется в разных формах: («как она дорожит каждым словом покойницы», «матушка запрещала мне...»); всегда сидит под портретом умершей, «словно птенчик под крылом матери»; «я бы никогда не желала выйти из-под ее крыла» [Тургенев 1955: 150]. Душа, существующая под жестким диктатом Другого, Канонического, умирает, если исчерпывает са-

мое себя. Тургеневский тип Души сложнее. В нем наблюдается сбой в движении состояний «жизни» и «смерти», фиксируется мощный взрыв жизненной энергии перед смертью, яркий мнемозический след кипящих страстей предков. И эта составляющая личности Веры вступает в конфликт с дисциплинированным внутренним Канонем за кратковременную вспышку чувства жизни. Действительно, тургеневская «холодная» героиня носила в недрах души «горячую» страстность, «непредсказуемую душу крестьянки из Альбано, манящую Манон Леско, Фретильоны». «Сладострастное, раскрытое, как расцветшая роза, с большими влажными глазами навывкате и самодовольно улыбающимися, румяными губами! Тонкие чувственные ноздри, казалось, дрожали и расширялись, как после недавних поцелуев; от смуглых щек так и веяло зноем и здоровьем, роскошью молодости и женской силы... Этот лоб не мыслил никогда...» [Тургенев 1955: 151] - описание портрета бабушки Веры завершено вакхической виноградной веткой, манифестирующей высшую степень наслаждения жизнью. Генетическая энергия жизни героини находилась в подавленном состоянии. «Жизнь» была сконденсирована, свернута, ее потенциальная мощь росла и ждала своего часа, неминуемого взрыва. Провокация извне (в «Фаусте» Тургенева это чтение «Фауста» Гете) оживила спящие силы. Взрыв дробит сознание на фрагменты. Боль. Прозрение (жизнь). Смерть. Трагедия «великой души», личности, которая «сама себя не знает. Сколько нетронутых богатств еще таится в ней!» [Тургенев 1955: 150-151]. Внутренний конфликт фрагментировал душу и через момент прозрения, рождения уникальной человеческой данности, трансцендирования, сгусток духовной чувственной энергии привел к физической смерти героини.

Следуя взгляду Валери (опыт тела - это опыт предела мысли), убеждаемся в том, что рассудок себя исчерпывает на пределе. Этот взгляд позволяет сконцентрировать внимание на значимости иррациональных состояний. Мир представляет собой структуру данных и интенций, структуру актов, переходящих друг в друга. В человеческом существе сталкиваются «ризома» внутреннего и «структура» внешнего. Действительно, мир культуры, равно как и мир социума, планетарный мир, упорядочен, структурирован, системен. Конфликт ризомы и структуры, природы и культуры заложен в человеке, объективен и неизбежен.

Список использованной литературы

1. Нанси Ж. - Л. Corpus. - М.: Ad Marginem, 1999. - 232 с.
2. Основы перинатологии // Под ред. проф. Н. П. Шабалова и проф. Ю. В. Цвелева. - 2001.
3. Тургенев И. С. Повести и рассказы. - М., 1955. - 207 с.

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ СОКРАЩЕНИЙ В АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НЕФТЕПЕРЕРАБОТКИ

Тихонова И. Б.

Омский государственный технический университет

Процесс образования сокращений привлекает к себе внимание многих лингвистов. Значительный интерес представляют работы В. В. Борисова, И. В. Арнольд, Л. К. Кондратюковой, Л. Б. Ткачевой и других.

Авторы рассматривают сокращения следующим образом. Например, В. В. Борисов считает «аббревиатуру единицей устной или письменной речи, созданной из отдельных элементов звуковой или графической оболочки некоторой развернутой формы (термина или терминосочетания), с которой данная единица находится в определенной лексико-семантической связи. При образовании сокращения могут использоваться отдельные звуки, группы звуков и цельноформленные компоненты в различных комбинациях» [Борисов 1976: 100].

Л. К. Кондратюкова выделяет следующие типы или модели сокращений: 1) буквенные сокращения; 2) слоговые сокращения; 3) буквенно-слоговые сокращения; 4) усеченные образования. [Кондратюкова 1984: 90-91].

В своей монографии Л. Б. Ткачева по этому поводу пишет: «поскольку в научной литературе пока нет единой классификации способов образования аббревиатур, а также единой точки зрения на отдельные типы сокращений, считаем возможным на основе исследуемого материала выделить:

а) инициальную аббревиацию, когда сокращенная форма образуется только по начальным буквам компонентов ТС или термина;

б) усечение, когда сокращенная форма образуется путем сохранения первого слога, реже второго или последнего в термине или в компонентах ТС;

в) стяжение, когда сокращенная форма образуется путем сохранения целого ряда согласных букв термина, и создания, таким образом, консонантивной аббревиатуры или путем телескопии;

г) акронимию, когда сокращенная форма образуется или путем инициальной аббревиации, случайно совпавшей с общелитературным словом, или умышленного усечения одного или более компонентов ТС для удобства произношения;

д) гибридное образование, когда сокращается лишь часть компонентов ТС или сложного слова, другая же часть остается без изменения ...» [Ткачева 1987: 57].

На основе изученных классификаций разных авторов мы придерживаемся следующей классификации сокращенных терминов, удовлетворяющей особенностям исследуемой терминологии.